

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

DOI: 10.46698/VNC.2024.91.52.005

ОБ ИРАНСКОМ ВКЛАДЕ В КАВКАЗСКИЕ И ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

Е.Б. Бесолова
Ф.О. Абаева
Д.В. Сокаева

*Для Кавказа, «исключительно сложной лаборатории лингвистической мысли» (А.С. Чикобава), проблема языковых контактов всегда актуальна. Древние контакты – это постоянное взаимное сближение, обмен, взаимообогащение через общение: торговое, культурное, экономическое, через иные формы сотрудничества. Древние контакты давали импульс развитию культуры, отпечатывались в языке, устном народном творчестве, в обрядовой жизни и материальной культуре носителей контактирующих языков. Иранизмы в языках ареала являются также результатом древних торгово-экономических связей с Ираном, о чем свидетельствует преобладающее количество названий, связанных с торговлей, наименованиями материй, одежды, предметов обихода, различных продуктов, блюд, пряностей, растений; это также общественно-политические и религиозные термины, части мужских и женских имен. Иранизмы, как и заимствования из других языков, представляют собой обций для заимствующих языков словарный фонд и способствуют их сближению. Статья посвящена древним историко-культурным и этнолингвистическим взаимосвязям и взаимовлияниям носителей иберийско-кавказских, тюркских и индоевропейских языков на примере термина **пехуымпар/ пахуымпар** в различных его значениях. Предпринята попытка установить время, место и вектор заимствования; выявить особенности развития семантики; определить исторические и этнокультурные факторы, способствовавшие его появлению. В результате исследования выявлено, что этноязыковые контакты населявших Кавказ сложились еще в доисламское время; языки ареала подвергались процессам дивергенции, конвергентным явлениям, не-*

зависимо от генетического родства; заимствовались иранизмы как без участия языка-посредника, так и с его участием. Заимствования в течение долгой жизни, приспособляясь, претерпевали в тюркских и кавказских языках освоение – фонетическое, морфологическое и лексико-семантическое.

Ключевые слова: осетинский язык, языковой контакт, иранизм, кавказские языки, тюркские языки, прямое заимствование, язык-посредник, верования.

Для цитирования: Бесолова Е.Б., Абаева Ф.О., Сокаева Д.В. Об иранском вкладе в кавказские и тюркские языки // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 52 (91). С. 119-136. DOI: 10.46698/VNC.2024.91.52.005

По сложным проблемам языковых контактов и их результатов на Северном Кавказе имеется обширная литература. Ученые понимали, как велика историческая роль Центрального Кавказа: регион взаимодействия древнейших цивилизаций в течение тысячелетий; древнейшая территория расселения племен архаичных иранцев, принесших с собой не только индоевропейский язык, свою историю и культуру, но и антропологическую уникальность.

С позиций первой четверти XXI века усиленный интерес вызывают материалы прошедших региональных сессий по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских, тюркских и иранских языков. В выступлениях и публикациях отмечалось, что присутствие заимствований-иранизмов в иберийско-кавказских и тюркских языках – своеобразное наследие прошлых контактов [1], яркая иллюстрация чему – непревзойденный «Историко-этимологический словарь осетинского языка» вы-

дающегося ученого-осетиноведа В. И. Абаева [2].

По мнению И.М. Дьяконова, языковые контакты возникают как неизбежные последствия внеязыковых факторов исторического, культурного и антропологического характера, а их взаимодействие определяет тип этнического контакта [3, 5]. Как известно, кавказский ареал испокон веку населяют носители иберийско-кавказских, тюркских, семитских и индоевропейских языков, исповедующих ислам, христианство и иудаизм, занимающих совместное историко-культурное пространство и образующих самобытную культурно-историческую общность.

В.И. Абаевым в середине прошлого века была выдвинута мысль о существовании межкавказского лексического фонда. Это – «слова местного кавказского происхождения, распространение которых было обусловлено не внешним влиянием, а внутренней жизнью кавказских народов, их тяготением к культурному единству...» [4, 89].

Прошло время. Сбор и систематизация накопленного материала в первой четверти XXI в. представляет собой как научный, так и практический интерес. Тем более, что для ареала выполнение такой работы на сегодня важно, ибо «...мир был и остается шире, чем можно видеть из окна иранизма» [5, 2100].

Цель статьи: на примере термина *пахуымнар / пахуымнар* выявить направление и условия его заимствования, а также исторические и этнокультурные предпосылки, способствовавшие этому. Порою слово является единственным документом культурных и исторических взаимоотношений и взаимовлияний разноэтнических носителей языка, свидетельством их связей.

Историко-этимологическое обоснование, толкование семантики и места иранского элемента в иберийско-кавказских и тюркских языках даны В.И. Абаевым в его трудах.

Неоценимую помощь в работе окажут исследования известных ученых: В.Ф. Миллера, Н.Я. Марра, В.С. Расторгуевой, Дж.И. Эдельман, Х. Хюбшмана, Г.С. Ахвледиани, Э. Бенвениста, М.К. Андроникашвили, Г.А. Климова, И.М. Оранского, Г.Бейли, Л.Г. Герценберга, Гершевича, А.Й. Йоки, Дж. Моргенстиеркне, А.З. Розенфельда, К.Семереньи, И.Х. Абдулаева, И.Ю. Алироева, и мн. др.

За основу в статье нами взято положение, согласно которому «не следует избегать признания фактов заимствования в языке и культуре – традиционной или творческой – инородных элементов, тем более в таких случаях, когда носители этих «инородных» элементов живут не только смежно, но и вперемешку» [6, 314].

В ходе изысканий использовались не только метод сплошной выборки, но также описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Нас заинтересовала статья проф. В.А. Иванова, в которой, помимо арабских, рассматриваются новоперсидские заимствования в чувашском языке, в период интенсификации торговых сношений, которые прочно закрепились в этнокультуре чувашей [7].

Работа посвящена древним иранизмам, перешедшим в чувашский язык без участия языка-посредника. Неподдельный интерес вызвало древнее наименование языческого божества *Pihamrar* из древнечувашских верований с функциями: «обеспечивает людей хорошими качествами; является защитником скота» <новоперс. *раууымбар* «пророк», «посланник», не встреченное нами в кавказских языках.

Именно «изменение звуков в древних и современных языках позволили Шернеру, – считает автор,

– выявить следующее: новоперсидское *rauuȳtbar* > древнечувашское *rujhatpar* > современное чувашское *rihatpar*.

Rihatpar, пройдя через *ruhatpar*, *rihatpar*, *rujhatpar*, сохранило не только свое основное значение – «бог скота», но позволило немецкому ученому Б. Шернеру в форме *rihatpar* обнаружить еще дополнительное значение – «обеспечение человека богатым урожаем» [7, 206].

Заметим, что эти значения, как обнаружилось в дальнейшей работе, отсутствовали в кавказских заимствованиях, в том числе и в осетинском языке.

В статье З.Н. Экба в группе «фитонимы, в составе которых употребляются наименования мусульманских святых, их имена собственные и другие антропонимы», было описано растение – «восточное диалектное *бэйгэмбар тырнагы* (букв. ‘ногти пророка’) ‘ноготки, календула’ < перс. *пейгамбар* в значении ‘пророк’; в башкирском литературном языке имеет фонетический вариант *пэйгэмбар тырнагы* с глухим в анлауте; заимствованная часть конструкции имеет соответствия в других языках Поволжья: чув. *нихампар*, *нихемпер*, мар. *пиамбар*, *пиамбер* ‘пророк’; ‘божество – помощник верховного бога’; в чув. ‘повелитель волков’...» [8, 97]. И здесь наблюдаются переходы звуков из персидского в башкирский

язык; название растения дало изафетную конструкцию с суффиксом принадлежности – *бэйгэмбар тырнагы* (букв. ‘пророка ногти’) ‘ноготки, календула’ < перс. *пейгамбар* в значении ‘пророк’.

Ранний приход иранизмов в тюркские языки (по текстам), наличие схожих наименований в диалектах и параллелей исконного происхождения в них, в частности в языке башкир, а также присутствие иранизмов в них было обусловлено древними языческими ритуалами, исламом и мифологией башкир [8, 103].

Но, на наш взгляд, характер заимствований дал возможность проследить тенденции и перспективы развития иранизмов как в башкирском литературном языке, так и в других языках Поволжья, в частности группы «фитонимов, в составе которых употребляются наименования мусульманских святых, их имена собственные и другие антропонимы». Заметим, что и в этих тюркских языках встречаются значения иранизма «пророк» – ‘ноготки, календула’ (букв. ‘ногти пророка’); ‘божество – помощник верховного бога’; в чувашском языке ‘повелитель волков’, которых нет в языках Кавказа.

Допускаем на основании исторических источников, что приведенные выше заимствования в тюркских языках (башкирском, чувашском)

могли быть следами частичного проникновения ираноязычных племен саков на эти территории по пути их продвижения из Средней Азии на запад. Переселенцы, «вступая с местными жителями в брак и смешиваясь, создавали общую культуру и общий (индоевропейский) язык, который таким же образом распространялся все шире. <...> ...по крайней мере, меньшинство носителей нового языка должно попасть на новую территорию, чтобы на ней распространился этот язык, <...> медленное продвижение и длительные периоды оседлости могут быть прослежены», – по мнению И.М. Дьяконова, в языке местного населения... [3, 9-10].

Что касается осетинского языка, то по В.И. Абаеву, ирон. *пахуымнар* (*пехуымнар*, *пахамнар*) / дигор. *пахамнар* (*пахомнар*) из персидского *reiγāmbar* “пророк” (←пехл. *patγāmbar*←др.перс. **patigāma-bara-*) [2, II, 238]. Ср. Коста: «*Куывынмæ пахуымнар, нуæзтæн нæртон уæйыг*». – «В молитве (искусен) как пророк, в бражничестве – как нартовский великан»; «*Рухс æмæ рæстдзинады пехуымнар*». – «Пророк света и правды».

Согласно Вс.Ф. Миллеру, «иранское *n* перешло в осетинское *ф*», поэтому современное осетинское *n* – звук, не принадлежавший чисто осетинскому консонантизму; на-

блюдается крайне редко: или в заимствованных словах, или в словах с неясным происхождением. «Чаще встречается геминация *nn* или *bn*... Начальное *n* перед гласным находим в словах *паддзах* ‘царь’, *пахуымнар* ‘пророк’ и др.» [9, II, 84].

Доисламское появление слова *раууāтбар* от **pati-gāman-* подтверждается значениями в ряде иранских языков; ср. в сред.перс. *rauγāt* “сообщение, послание”; кл. перс. *раууāt* “поручение”, “извещение”, “весть”; совр. перс. *реууāt*, тадж. *рауот* “послание, весть, известие, сообщение”; барт. говор *рiγōт* “извещение”, “весть”, “поручение”; совр. курд. *нейхамбер* в значениях: “вестник”, “гонец”, “кудесник”, причем последнее на фарси имеет значение: “предвещающий что-либо” → «провозвестник», «прорицатель», что находит подтверждение в исторических источниках [10].

Идет следующее развитие значения. “Весть; известие; сообщение; послание” → “приносящий весть, известие; несущий весть, послание” → ”вестник; гонец; посланец, посланник (устар.)” → ”посланник (богов)” → “пророк”.

Отметим, что термин *пахуымнар*, *пехуымнар* / *пахмнар* < *раууāтбар*, *раууатба* «несущий послание от бога» – вторичное образование, представляющее собой сложное слово, в котором семантика корня *раууāt*

“весть, послание (от Всевышнего, Творца)”, а *bar* лексикализованное причастие “носящий” < *bordan* “носить”. В русско-осетинских и осетинско-русских словарях рассматриваемое слово ирон. *пехуымнар* /дигор. *пахамнар* дается лишь в одном значении «пророк»; словообразовательное гнездо представлено лишь одним образованием – *пехуымнариуаг кæнын* «пророчествовать».

Понятие «пророк» – религиозное, встречается в значениях «провозвестник», «истолкователь воли бога».

К примеру, *пророк* древности скиф-сак *Заратуштра* (*Зороастр*), создатель «Авесты».

Из сказаний: «По велению Творца, пророк выпускает душу из нарта Батраза» [9. II, 408].

Следующее значение – *предсказатель будущего*. Ср. названия стихотворений: К.Л. Хетагуров. «Я не пророк... В безлюдную пустыню Я не бегу от клеветы и зла...» [12. II. С. 130–131]. Сека Гадиев. «*Пахуымнар*» [13, 146–147].

Термин *пехуымнар*, *пахуымнар* прочно осел в фольклоре и эпосе. В приведенных ниже контекстах из фольклора, эпоса, художественной литературы и разговорной речи осетин обнаружился еще ряд значений данного слова; это – *мудрец*; *ангел*; *изобилие*; *звезда*; *божество*. Проиллюстрируем примерами:

мудрец, мудрый человек: *Нарт æгасæй дæр фесафтысты, æрмаст ма дзы баззади иу хуыцаууарзон пахуымнар йæ бинонтимæ æмæ алы фосы мыггагимæ* [14, 14]. – Нарты все погибли (исчезли), остался только один – возлюбленный Всевышним **мудрый человек** со своей семьей и каждого вида скотом (перевод наш. – Авт.).

пророк: «*Адон сты Маргъуыцы бахтæ*», – *загъгæ, загътой*. «*Уæй, йæ хæдзары ахсджиаг амæла! – дис кодта Уастырджы. – Цавæр лæг у, пехуымнартимæ дæр æй куы нйкуы фæдтон*» [14, 417]. – «Это кони Маргуза», – отвечали [пастухи]. «Эх, да помрет самый достойный [муж] из его дома! – дивился Уастырджы. – Кто этот муж, ведь среди **пророков** тоже никогда его не видел» [15, 470].

Уæд лæппу афтæ æрхъуыды кодта: «Æвæццагæн ма адзал æрцыд. Уыдонæй чи зæххон хорз лæг куы уыди, чи дзы пехуымнар куы уыди» [16, 386]. – Тогда юноша так подумал: «Видимо, пришел мой смертный час. Из них кто-то земным стоящим человеком был, а кто-то и **пророком**» (перевод наш. – Авт.).

«*Цотæ, раинсоми кæнетæ: уæларв дæ Софиай зæппадзи байвæрдзинан!*». *Æримæцудæнца æма ин расоми кодтонца, æма син гъæмпин хали хуæн иссæй, æма ’й фæххастонца æма ’й баивардтонца Софиай зæппадзи, æма нур е хестæр пахамнар*

æй» [16, 537]. – «Пойдите завтра и внесите в небесный склеп Софии!» Пошли назавтра. И сделался он (Батраз) легче соломинки. Подняли, понесли и схоронили в склепе Софии, и теперь он **старший пророк** (перевод наш. – Авт.). Заметим: в том, что Батраз после смерти стал небесным «старшим пророком», проглядывается явное влияние ислама.

ангел: Зæриноныгъы кувæндон, хъ. Хилак, *æртæ пехуымпары* кувæндон, къахтой дзы сыгъзæрин Бельгийæ. Хурзæрин, фыццаг уый къæдзæхтыл æмбæлы, æмæ йæ уый тыххæй афтæ хуыдтой. Хохæн йæ ном хуыдтой «ноныгъ» + «сыгъзæрин». Самадтой дзы кувæндон. Рæгъаугæс Бес федта, æртахти *æртæ пехуымпары*, æмæ уый йæ зæнгуытыл æрхауди æмæ кувын райдыдта [17, 103]. – Святилище Зариноных, сел. Хилак, святилище *трёх ангелов*. Копали бельгийцы там золото. Луч света сначала падает на скалы, и поэтому его так называли. Скалы называли «ноныгъ»+золото. Построили там святилище. Табунщик Бес увидел, как прилетели *три ангела*. Он упал на колени и начал молиться (перевод наш. – Авт.).

В тостах и молитвах: Хуцау, ду еунаг дæ!

Дæ уарзон *пахампартæбæл*, де 'зæдтæбæл дæ салан исæмбæлæд! – Ты един, Всевышний! Ниспошли благословение На своих любимых

пророков и *изэдов* [18. С. 51, 206].

святилище: Наши равнинные [святилища] «Цыргъ Обау», «*Пехуымпар*», вокруг вас растут наши злаки; пожелайте, чтоб каждый год богато уродилось зерно, овощи и фрукты. Пусть ваше зерно и наш труд дают нам возможность обращаться к Всевышнему – да будет такое счастье молящимся людям! [18, 58].

изобилие: Уæ хæдзар æмæ нæ бадт *пехуымпар* уæд! – *Изобилие* вашему дому и нашему застолью! (Благопожелание).

звезда: Во Дворце состоялась XXIII республиканская интеллектуальная игра «*Зондабитæ*». Тема: «Агънаты Гастан – ирон прозаики *пехуымпар*». – «Агнаев Гастан – звезда осетинской прозы». (Сайт Минобрнауки РСО-Алания).

божество: В сказании «*Албегаты чызг лæппу кувид сси пехуымпарты æххуысæй, уый кадæг*». – «Как девушка из рода Албеговых с помощью *пророков-божеств* Уацилла и Уастырджи, превращается в парня, съев грузинское яблоко, выпрошенное ими у Всевышнего» [16. С. 387–388].

Образ *пехуымпара* / *пахампара* встречается и в поэзии: ср. *Фæзæгъыны:* «*Нузæн нæй, æрлаууыди Сабан*». *Кæнæ та:* «*У Реджеб, хъæуы уæвын уæздан*». *Хуыцау, пехуымпар, æз уæ зæрдæхудт нæ исын, – Ыссардтон нузæн мæй, уыдзæн уый Рама-*

зан [20, 56]. – То слышу я: «Не пей, сейчас у нас Шабан». А то: «Реджеб идет, не напивайся пьян». Пусть так: то месяцы аллаха и пророка. Что ж, изберу себе для пьянства Рамазан» [20, 57].

Встречается религиозный термин *пехуымпар / пахампар* и в сказках осетин. Ср. сказка «*Что осталось от даров Фалвара Дигориш*»: Адæм ку ниххустæнцæ, уотæ ба кауин авар арси бадолæ налхъут-налмасæй, куд некад фæууиндæй, уотæ ракодта, æхуæдæга æ цар исласта, æма, *пахампари комитулфæй* игурд адтæй, кæд ин лæгуинд н ‘адтæй, уæддæр, æма æ конд, æ уиндæн (æмбал. – Авт.) н’адтæй [21]. – «Когда все улеглись, медвежонок с помощью жемчуга (*налхъут-налмасæй*) сделал так, что ограда исчезла, сам же снял с себя шкуру, и хотя не имел он человеческого облика, ибо был рожден дыханием пророка, оказалось, что не было равного ему по телосложению и красоте» (перевод наш. – Авт.).

В сказке «*Хъумааг Къаба*»: Уæд Мæхæмæт-пахумпари зæрди уотæ æрæфтудæй: «Æз ба, зæгъгæ, хани уоси æ сувæллонæй ардæмæ мин æнæ зонгæй, ‘ма соми ка кæнуй, уой баæвзарон...» [21]. – «Тогда к пророку Магомету на сердце пришла мысль: «Я-то, скажем, жену хана с ребенком вызову к себе, сюда, анонимно для того, чтобы испытать, как клянется ...» (перевод наш. – Авт.).

Что касается религиозного влияния Ирана на Грузию и Армению, иранских лексических элементов в грузинском и армянском языках, то, как заметил В.Ф. Миллер, следы особенно запечатлелись в народных поверьях, обычаях и обрядах. Добавим, что «не менее сильно, чем в верованиях, отразилось персидское влияние на южнокавказских языках. Множество персидских слов проникло в грузинский язык, а армянский словарь преисполнен ими до такой степени, что даже некоторые лингвисты, принимающие в расчет лексическую сторону языка более, чем фонетическую и морфологическую, склонны видеть в армянском языке язык иранской группы» [22, 884].

В то же время отметим, что многочисленные элементы иранского происхождения присутствуют почти во всех северокавказских языках, и среди религиозных и культовых особый интерес вызывает рассматриваемое понятие «*пророк*». Это определяет важность установления путей проникновения термина в указанные языки, направление заимствования, времени, места, выявляет исторические и этнокультурные факторы, способствующие появлению слова в северокавказских языках.

Связи между иранскими и северокавказскими языками многообразны и обширны, они указывают на

тысячелетние контакты между этими этническими общностями, о чем свидетельствует также и словарный фонд этих языков.

Источником заимствования для большинства дагестанских языков являлся персидский язык. Заимствование персизмов шло двояко: как устным путем, непосредственно, так и с участием различных языков-посредников, в роли которых в ареале контактирования выступали *азербайджанский, кумыкский, лезгинский, аварский* языки.

Но с проникновением ислама в Дагестан персизмы постепенно вытесняются.

Заимствования в дагестанских языках подразделяются по времени на три группы:

- периода контактов со скифо-аланскими племенами;
- среднеперсидские;
- новоперсидские.

Проиллюстрируем.

В хваршинском языке около 150 персизмов; язык-посредник – аварский [23, 213]. Более употребительны.

заимствования из среднеперсидского языка. Ср.: *bēl* ‘лопата’; *rambak* ‘хлопок’; ‘вата’; *zang* ‘голень’; ‘голенице’; **āparak*, *āpartan* ‘пришелец’; ‘чужой’; ‘бродяга’; *tur* ‘меч’, ‘сабля’ и др.;

фарсизмы, заимствованные ранее арабским языком. К примеру,

хварш. *замана*, авар., цез., кар., танд., ботл., бежт., гунз., арч., лезг., таб., агул., рут., цах., буд. *заман*, год., дарг., лак., агул. *замана* ‘время’, ‘эпоха’ < араб. *zamān* < ср.-перс. *zamanag*; ср. араб. *rizq* < ср.-перс. *rōzīq* ‘скот’, ‘продовольствие’; араб. *jawhar* < ср.-перс. *gohar* ‘драгоценный камень’, ‘жемчуг’; и др. [23, 215].

Распределяются заимствования по тематическим группам, причем классификация эта является свидетельством длительных контактов носителей хваршинского языка и новоперсидского:

I. *Человек и общество*, к которой относят 1) обозначения людей по профессии, роду занятий, социальному положению; термины родства; 2) лексика, выражающая духовное и физическое состояние человека; 3) абстрактные понятия; 4) общественно-политические термины.

II. Лексико-тематическую группу «*Материальная и духовная культура*» составляют 1) предметы быта, домашняя утварь; 2) названия орудий труда и средств; 3) одежда, предметы туалета, ткани, сырье; 4) военное снаряжение; 5) обозначения продуктов питания; 6) названия строений и их частей; 7) хозяйственно-экономические термины; 8) музыкальная лексика; 9) лексика, выражающая религиозные и другие понятия; 10) лексика, связанная с болезнью и лекарствами.

III. Природа.

IV. Животный мир.

V. *Varia*.

VI. Личные имена. 1) Мужские имена. 2) Женские имена [23, 215–218].

О древних непосредственных контактах носителей дагестанских языков с предками осетин – обширная литература. К примеру, Т. Айтберов: «К югу от Дербента в течение ряда веков существовало аланское государство Маскут» [26, 51–54]; В. Кузнецов: «...от Сулака и до Дербента мы имеем хорошо выраженные археологические памятники алан» [27, 11–12]. И это объясняет, почему дагестанские лингвисты пишут о том, что в большинстве языков и диалектов встречаются заимствования, имеющие «свои прототипы в осетинском языке»; например: осет. *ræxys / ræxis* ‘цепь’ > хварш., инх., квантл. *рахаси*, авар., бежт., гунз., *рахас*, ахв., год., тинд. *рахасси*, кар. *рајас*, дарг. *рахаж* ‘цепь’;

осет. *хуыз / хизæ* ‘вид’, ‘образ’, ‘масть’ > хварш., инх., квантл., авар., анд., бежт., ботл., гунз., кар., тинд., чам., дарг., лак., лезг., агул., буд., таб., крыз. *куц*, арч. *кус*, ахв. *кучи*, год. *куци*, цез., *кесу//коси*, рут. *курус* ‘облик’, ‘форма’;

осет. *dawag* ‘божество’ > хварш., инх., квантл., авар., ахв., кар., чам., год., бежт., хвар., гунз., цез. *авараг*, тинд. *аварага*, дарг. *идбаг*, лак. *идавс* ‘пророк’ и др. [23, 212].

В дагестанских языках, как известно, нет единого наименования для понятия ‘пророк’, во-вторых, не вся религиозная терминология – «арабо-мусульманская».

У носителей южнодагестанских языков (лезгинском, табасаранском, агульском, будухском, крызском и др.) более распространено в употреблении персидское слово *пейгъамбар* в значениях ‘вестник’, ‘посланник’.

В хваршинском, инхокваринском, квантладинском, аварском, ахвахском, каратинском, чамалинском, годоберинском, бежтинском, гунзибском, цезском языках используется термин *авараг*, тиндинском *аварага*; даргинском *идбаг*, лакском *идавс* – ‘пророк’ – из осет. *dawæg* < архетипа **idawag*, проникшего в дагестанские языки из скифо-сармато-аланского языкового мира [24, 203].

Архетип **idawag* не связан с арабским, персидским и тюркскими языками; не обусловлен также и распространением ислама. «В различных вариантах по языкам существовал в дагестанских языках ещё в доисламскую эпоху; появился в одно и то же время и по-разному адаптировался в различных языках; к тому же он не был заимствован из одного дагестанского языка в другой», – так пишет профессор И.Х. Абдуллаев [24, 204].

О том, что древнейший религиозный термин **idawag* восходит к

скифо- сармато-аланскому языковому миру, свидетельствует «безупречность как фонетическая, так и семантическая современному осет. *dawæg* < **idawæg*. Староосетинская (аланская) форма сохранилась в архаичном дигорском диалекте осетинского языка» [4, 362].

Термин *dawæg* из древнего фонда словаря; ему нет соответствия в других иранских языках; присущи значения: «1) божество; 2) в дохристианский период – общее наименование небесных сил; в христианскую эпоху перенесено на христианских святых» [2, I, 348–349].

Основанием для проникновения в упомянутые дагестанские языки рассматриваемого религиозного термина явились интенсивные культурно-исторические и идеологические отношения между предками осетин, алан, и древних дагестанцев ещё в III–IV веках, когда могущественные аланы имели влияние на исторические судьбы северокавказцев.

Другие дагестанские языки, к примеру, хиналугский, используют заимствование из персидского: *нейгъебаър* (*нейгъаьмаър*, *нейгъаьнбаър*) «пророк»; фраз.: *нейгъаьнбаър къуршагъы* «радуга» (букв. «пророка кушак»), *нейгъаьнбаър чичаьйи* «василёк» (букв. «пророка цветок») [2, I, 239].

Фарсизм «пророк» заимствован и вайнахскими языками; ср. чеч.

рајхатар > *пайхмар*; инг. *Rejxætær* > *пэйхамар* [30, 504].

Этот же фарсизм *пехуымнар* находим в адыгских (черкесских) языках; ср. *бегъымбар* / *пегъымбар* «пророк» < перс. *rejğat-bār* «пророк», а также в абхаз. *а-паайымбар*, абаз. *пигІмбар*, убых. *пагъамбар* – в том же значении [31, I, 121].

И в «Турецко-русском стандартном словаре» даётся заимствованное из перс. *пейгамбер* (*peygamber*), наряду с турец. *kâhin* в значении «пророк»; ср. фраз. *peygamber peygamberçiçeği* «василёк» (цветок) [32, 242].

Естественно, заимствованный иранизм подвергался во всех перечисленных языках как фонетической адаптации, так и морфологическому и семантическому освоению.

Известно, что большое количество фарсизмов, арабизмов и тюркизов, связанных с религиозными и культовыми понятиями, вошло в дагестанские, как и в другие северокавказские, языки после окончательного утверждения ислама, влияние которого на осетин поверхностно. Предпосылками заимствований иранизмов в кавказские и тюркские языки явились контакты – экономические, исторические и политические – между аланами и населением Кавказской Албании. Аланы, как известно, контролировали торговые пути, которые существовали через Клухорский перевал, Дарьяльские

и Дербентские ворота к Центральному Кавказу и Каспийскому морю. Это были длительные и постоянные контакты.

Митрополит Гедеон пишет о том, что после Ос-Багатара Осетия попала «под гнёт своих соседей-кабардинцев и стала совращаться в магометанство. Обратившиеся в ислам жители стали рушить христианские храмы и стирать надписи с церковных стен и надгробных плит. В духовной истории Осетии на долгие века наступил мертвящий застой. Часть осетин приняла ислам, часть – вернулась к язычеству, а оставшиеся лишь по имени христианами сплели пережитки христианских верований с языческими представлениями и магометанским учением. Полному уничтожению христианства в Осетии помешало лишь то, что в середине XVI века в туманной дали севера возникает для народов Кавказа призрак новой могущественной силы – православного русского государства» [33, 30].

Подводя итоги, отметим, что

– результаты языкового контакта зависят от конкретной исторической обстановки, процессов языкового контактирования, обстоятельств заимствования и географии слова;

– этноязыковые контакты населявших Кавказ сложились ещё в доисламское время; языки ареала подвергались процессам дивергенции, конвергентным явлениям, независимо от генетического родства;

– выявлены прямые языковые заимствования и заимствования с участием языка-посредника; и те, и другие настолько тонко и органично вошли по форме и семантике в систему языка-транслята, что их иноязычность порою неосязуемо, лишь этимологический анализ способствует обнаружению;

– изучение семантики социального термина *пророк* обнаружило, что в северокавказской религиозной терминологии выявляются два пласта: древний скифо-алано-осетинский и арабо-мусульманский;

– фарсизм *нейгамбар* дал в тюркских языках – чувашском, марийском, башкирском – значения, которые не обнаружились ни в одном языке северокавказского ареала;

– в одних дагестанских языках встречаются изафетные конструкции с персизмом *нейгъамбар*, а в других – стилистически-окрашенные (в значениях «наивный», «простодушный», «честный человек»).

1. Материалы Пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. 288 с.
2. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 656с.; Т. II. Л.: Наука, 1973. 448 с.; Т. III. Л.: Наука, 1979. 360 с.; Т. IV. Л.: Наука, 1989. 328 с.
3. *Дьяконов И.М.* Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока: Материалы всесоюзной научной конференции. Орджоникидзе: Ир, 1989. 116 с.
4. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. I. 601 с.
5. *Март Н.Я.* Ossetica-Japhetica, I // Известия Академии наук. 1927. С. 2069–2100.
6. *Цулая Г.В.* Силуэты Грузии – 2. М.: ИЭА РАН, 2008. 380 с.
7. *Иванов В.А.* Прямые заимствования арабских и персидских слов в чувашском языке // Вестник Чувашского университета. 2017. №1. С 203–207.
8. *Экба З.Н.* Фитонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 2(43). 2023. С. 89–103.
9. *Миллер Вс.* Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. 717 с.
10. *Марцеллин А.* История // Пер. Ю. Кулаковского. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1906–1908. 946 с.
11. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. 686 с.
12. *Хетагуров К.* Полное собрание сочинений в пяти томах. Владикавказ, 1999. Т. 2. 402 с.
13. *Гадиев С.* Избранное. Орджоникидзе: Ир, 1988. 454 с. (на осет. яз.).
14. Нарты. М.: Наука, 1990. Кн. 1. 431 с.
15. Нарты. М.: Наука, 1989. Кн. 2. 492 с.
16. Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2005. Т. 3. 712 ф. (на осет. яз.).
17. Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2010. Т. 5. 766 ф. (на осет. яз.).
18. *Сокаева Д.В.* Легенды и предания осетин. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. 179 с.

19. Трудовая и обрядовая поэзия // Памятники народного творчества осетин (ПНТО) / Сост. Т.А. Хамицаева. Владикавказ: Ир, 1992. Т. I. 440 с.
20. Хайям О. Рубаи // Пер. М. Дзасохова. Владикавказ: Ир, 1991. 214 с.
21. Научный архив СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. Д. 15. П. 8 (2). Л. 15–26.
22. Осетинские народные сказки / Сост. Г.А. Дзагуров. М.: Гл. ред. вост. лит., 1973. 598 с.
23. Миллер Вc. Отголоски иранских сказаний на Кавказе // Фольклор народов Северного Кавказа: тексты; исследования / Сост. А.И. Алиева. М.: Наука, 2008. С. 882–904.
24. Эфендиев И.И. Персидская лексика в нахско-дагестанских языках. М.: Институт языкознания РАН, 2003. 260 с.
25. Каримова Р.Ш., Халилов М.Ш. Заимствования в хваршинском языке. Махачкала: АЛЕФ, 2013. 336 с.
26. Абдуллаев И.Х. Междагестанские и межкавказские языковые контакты. Историко-этимологические, ареальные и ономастические исследования. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2015. 618с.
27. Айтберов Т. Осетинские имена у аварцев XIV–XVII вв. // Проблемы осетинского языкознания. Вып.1. Орджоникидзе, 1984. С. 51–54.
28. Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 11–12.
29. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л.: АН СССР, 1958. 656 с.
30. Ваганов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси: Меридиани, 2011. 733 с.
31. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. 224 с.
32. Турецко-русский стандартный словарь. Стамбул: Fono Yayin Dagitim, 2009. 705 с.
33. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М., Пятигорск: Наука, 1992. 192 с.

Besolova, Elena B. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); elenabesolova@mail.ru

Abaeva, Fatima O. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); fatia-85@mail.ru

Sokaeva, Diana V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); socdial@yandex.ru

ON IRANIAN CONTRIBUTION TO CAUCASIAN AND TURKIC LANGUAGES.

Keywords: *Ossetian language, language contact, Iranianism, North Caucasian languages, Turkic languages, direct borrowing, intermediary language, beliefs.*

*For the Caucasus, “an exceptionally complex laboratory of linguistic thought” (A.S. Chikobava), the problem of linguistic contacts is always topical. Ancient contacts are a constant mutual rapprochement, exchange, and mutual enrichment through communication – trade, cultural, economic, and other forms of co-operation. Ancient contacts gave impetus to the development of culture, imprinted in the language, oral folk art, ritual life and material culture of the speakers of the contacting languages. Iranisms in the languages of the area are also the result of ancient trade and economic relations with Iran, as evidenced by the predominant number of trade-related names, names of fabrics, clothes, household items, various products, dishes, spices, plants; these are also socio-political and religious terms, parts of male and female names. Iranisms, like borrowings from other languages, represent a common vocabulary for the borrowing languages and contribute to their rapprochement. The article is devoted to ancient historical, cultural and ethnolinguistic relationships and mutual influences of speakers of Iberian-Caucasian, Turkic and Indo-European languages using the example of the term **пехуымпар/палуымпар** in its various meanings. An attempt has been made to establish the time, place and vector of borrowing; identify features of the development of semantics; determine the historical and ethnocultural factors that contributed to its emergence. As a result of the study, it was revealed that ethno-linguistic contacts of those inhabiting the Caucasus developed in pre-Islamic times; the languages of the area were subject to processes of divergence and convergent phenomena, regardless of genetic relatedness; Iranianisms were borrowed both without the participation of an intermediary language and with its participation. Over the course of a long life, borrowings, adapting, underwent development in the Turkic and Caucasian languages – phonetic, morphological and lexical-semantic.*

For citation: Besolova, E.B., Abaeva, F.O., Sokaeva, D.V. On Iranian contribution to Caucasian and Turkic languages // *Izvestiya SOIGSI*. 2024. Iss. 52 (91). Pp. 119-136. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.91.52.005

References

1. *Materialy Pyatoi regional'noi nauchnoi sessii po istoriko-sravnitel'nomu izucheniyu iberiisko-kavkazskikh yazykov* [Proceedings of the Fifth Regional Scientific Session on Historical-Comparative Study of Iberian-Caucasian Languages]. Ordzhonikidze, 1977. 288 p.
2. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Moscow-Leningrad, USSR AS Publishing House, 1958, vol. I. 656 p.; Leningrad, Nauka, 1973, vol. II. 448 p.; Leningrad, Nauka, 1979, vol. III. 360 p.; Leningrad, Nauka, 1989, vol. IV. 328 p.
3. Diakonov, I.M. *Yazykovye kontakty na Kavkaze i Blizhnem Vostoke* [Language Contacts in the Caucasus and the Near East]. *Kavkaz i tsivilizatsii Drevnego Vostoka: Materialy vsesoyuznoi nauchnoi konferentsii* [The Caucasus and Civilizations of the Ancient East: Materials of the All-Union Scientific Conference]. Ordzhonikidze, Ir, 1989. 116 p.
4. Abaev, V.I. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [Ossetian Language and Folklore]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1949, vol. I. 601 p.
5. Marr N.Ya. *Ossetica-Japhetica, I. Izvestiya Akademii nauk* [Academy of Science Herald]. 1927, pp. 2069–2100.
6. Tsulaya, G.V. *Siluety Gruzii-2* [Silhouettes of Georgia – 2]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, 2008. 380 p.
7. Ivanov, V.A. *Pryamye zaimstvovaniya arabskikh i persidskikh slov v chuvashskom yazyke* [Direct borrowings of Arabic and Persian words in the Chuvash language]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [The Herald of Chuvash University]. 2017, iss. 1, pp. 203–207.
8. Ekba, Z.N. *Fitonimy arabo-persidskogo proiskhozhdeniya v bashkirskom yazyke i ego dialektakh* [Phytonyms of Arab-Persian Origin in the Bashkir Language and its Dialects]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* [North-Eastern Humanities Herald]. 2023, iss. (43), pp. 89–103.
9. Miller, Vs. *Osetinskie etyudy* [Ossetian Etudes]. Vladikavkaz, 1992, 717 p.
10. Martsellin, A. *Istoriya* [History]. Kiev, tip. S.V. Kul'zhenko, 1906–1908. 946 p.
11. *Osetinskaya etnograficheskaya entsiklopediya* [Ossetian Ethnographic Encyclopedia]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2013. 686 p.

12. Khetagurov, K. *Polnoe sobranie sochinenii v pyati tomakh* [Complete Works in Five Volumes]. Vladikavkaz, 1999, vol. 2. 402 p.
13. Gadiev, S. *Izbrannoe* [Selected Works]. Ordzhonikidze, Ir, 1988. 454 p. (in Ossetian).
14. *Narty* [The Narts]. Moscow, Nauka, 1990, vol. 1. 431 p.
15. *Narty* [The Narts]. Moscow, Nauka, 1989, vol. 2. 492 p.
16. *Navyt kaddzhytæ. Iron adæmy epos* [The Nart sagas. Epos of the Ossetian People]. Dzæudzhykhjæu, 2005, vol. 3. 712 p. (in Ossetian).
17. *Narty kaddzhytæ. Iron adæmy epos* [The Nart sagas. Epos of the Ossetian People]. Dzæudzhykhjæu, 2010, vol. 5. 766 p. (in Ossetian).
18. Sokaeva, D.V. *Legendy i predaniya osetin* [Legends and Stories of Ossetians]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2009. 179 p.
19. Khamitsaeva, T.A. (comp.). *Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin* [Ossetic Folklore Monuments]. *Trudovaya i obryadovaya poeziya* [Labor and Ritual Poetry]. Vladikavkaz, Ir, 1992, vol. I. 440 p.
20. Khayyam, O. *Rubai* [Rubaiyat]. Vladikavkaz, Ir, 1991. 214 p.
21. *Nauchnyi arkhiv SOIGSI* [Scientific Archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. Fund ?? . Inventory 1. Case 15. File 8 (2). Sheets 15–26.
22. Dzagurov, G.A. (comp.). *Osetinskie narodnye skazki* [Ossetian Folk Tales]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1973. 598 p.
23. Miller, Vs. *Otgosloski iranskikh skazanii na Kavkaze* [Echoes of Iranian Tales in the Caucasus]. *Fol'klor narodov Severnogo Kavkaza: teksty; issledovaniya* [The North Caucasus Peoples Folklore: Texts; Researches]. Moscow, Nauka, 2008, pp. 882–904.
24. Efendiev, I.I. *Persidskaya leksika v nakhsko-dagestanskikh yazykakh* [Persian Lexicon in the Nakh-Dagestani Languages]. Moscow, Institute of Linguistics of RAS, 2003. 260 p.
25. Karimova, R.Sh., Khalilov, M.Sh. *Zaimstvovaniya v khvarshinskom yazyke* [Borrowings in Khvarshi Language]. Makhachkala, ALEF, 2013. 336 p.
26. Abdullaev, I.Kh. *Mezhdagestanskie i mezhkavkazskie yazykovye kontakty. Istoriko-etimologicheskie, areal'nye i onomasticheskie issledovaniya* [Interdagestani and inter-Caucasian language contacts. historical-etymological, areal and onomastic studies]. Makhachkala, Gamzat Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Russian Academy of Sciences, ALEF, 2015. 618 p.

27. Aitberov, T. *Osetinskie imena u avartsev XIV–XVII vv.* [Ossetian names among Avars of XIV-XVII Centuries]. *Problemy osetinskogo yazykoznaniya* [Problems of Ossetian Linguistics]. Ordzhonikidze, 1984, vol. 1, pp. 51–54.
28. Kuznetsov, V.A. *Alaniya v X–XIII vv.* [Alania in the X-XIII centuries] Ordzhonikidze, 1971. Pp. 11–12.
29. Ganieva, F.A. *Khinalugsko-russkii slovar'* [Khinalug-Russian Dictionary]. Makhachkala, Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 2002. 495 p.
30. Vagapov, A.D. *Etimologicheskii slovar' chechenskogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Chechen Language]. Tbilisi, Meridiani, 2011. 733 p.
31. Shagirov, A.K. *Etimologicheskii slovar' adygsikh (cherkessikh) yazykov* [Etymological Dictionary of Adyghe (Circassian) Languages]. Moscow, Nauka, 1977. 224 p.
32. *Turetsko-russkii standartnyi slovar'* [Turkish-Russian Standard Dictionary]. Stambul, Fono Yayin Dagitim, 2009. 705 p.
33. Gedeon, Metropolitan of Stavropol and Baku. *Istoriya khristianstva na Severnom Kavkaze do i posle prisoedineniya ego k Rossii* [History of Christianity in the North Caucasus before and after its Accession to Russia]. Moscow, Pyatigorsk, 1992. 192 p.